

РИСКИ, СВЯЗАННЫЕ С ГРАЖДАНСКИМ УЧАСТИЕМ, В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Е. В. Реутов,

*кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социальных технологий, НИУ «БелГУ»*

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант «Микропрактики солидарности в социальном пространстве местного сообщества» №5-03-00378.

В российском обществе основным тормозом развития инициативной общественной активности граждан в настоящее время является продолжающаяся экспансия государства (или легитимизированных им групп), распространяющего свое влияние на прежде неконтролируемые или слабо контролируемые им сферы (в том числе, сферу публичной коммуникации, правозащитную деятельность, НКО и пр.). При этом значительная часть населения поддерживает эту экспансию, наделяя высоким уровнем доверия институции, олицетворяющие политический курс (прежде всего, президентскую власть). Такого рода патерналистские установки позволяют гражданам снять с себя значительную часть ответственности за происходящее в их городе, в стране и нивелируют факторы общественного активизма, не санкционированного «сверху». Однако вряд ли можно утверждать, что ничем и никем не сдерживаемые частные или коллективные инициативы могли бы, в свою очередь, преодолеть косность государства и решить все накопившиеся в российском обществе проблемы.

Поэтому активизация социальной ответственности граждан, процессов инклюзии элементов гражданского общества, отдельных активистов и просто неравнодушных граждан в управленческие процессы может служить основным фактором преодоления атомизации российского социума, и создания нового качества социальных отношений. Выявленные в процессе исследования факты и тенденции позволяют говорить о достаточно противоречивом характере соответствующих изменений в региональном сообществе, которые, с достаточно небольшой погрешностью, можно экстраполировать на российский социум в целом.

При всей амбивалентности восприятия населением институтов гражданского общества, общественный активизм становится нормативно приемлемым для большинства граждан. Безусловно, необходимо иметь в виду, что люди, как правило, далеки от политизированных форм гражданского участия и приветствуют, прежде всего, гражданские инициативы, направленные на решение «низовых», повседневных проблем. Именно в данной сфере наиболее высок потенциал личного участия, который, по данным нашего исследования, проведенного в 2014 г., составляет около двух третей респондентов [1]. Естественно, реальная вовлеченность в коллективистские общественно-значимые практики существенно ниже. Таким образом, потенциал гражданского участия во многом является «спящим». Актуализировать его могут осознание людьми проблемности собственной жизненной ситуации, неудовлетворенность состоянием социальной среды в сочетании с увеличением в регионе «критической массы» общественных организаций и движений, реализующих общественный запрос на решение «малых» дел.

Таким образом, в российском социуме в настоящее время конкурируют два механизма формирования социальной солидарности. Первый из них основан на активизации потенциала самоорганизации населения, гражданского участия, под которым мы понимаем проявления гражданами активности в публичной сфере ради реализации субъективно и социально значимых целей. В данном отношении гражданское участие следует отграничивать, как от общественного участия, в котором может отсутствовать «гражданский» компонент, связанный с осознанием личной ответственности (как пишет О.Н. Яницкий, «общественное участие может быть сугубо массовым – толпою, а не личным выбором и волеизъявлением, т.е. не гражданским в строгом смысле слова» [2, 54]), так и от гражданского активизма,

который может существовать в форме сугубо индивидуального продвижения собственной жизненной позиции.

Очень часто гражданское участие ассоциируется с протестной активностью, инспирируемой оппозиционными партиями и другими общественно-политическими силами. Однако его часто задевают в контролируемых пределах властные структуры (многочисленные краудеорсинговые проекты, большинство органов ТОС, различные лоялистские общественные организации, в том числе молодежные и т.п.). И в еще большей мере данная гражданская активность может проявляться вне политических лозунгов и амбиций – для решения проблем, возникающих на микроуровне социальной реальности. Другое дело, что в России, при всей ее массовой аполитичности, сфера политики чрезвычайно широка. Стремление власти к гиперконтролю приводит к тому, что любая общественная инициатива должна получить санкцию «сверху». Тем самым обществу навязывается принудительный дискурс «двух сторон», вне которых не может остаться никто.

Очаговые коллективистские практики решения частных проблем в регионах и муниципалитетах, иногда успешные, иногда нет, включение активной части локальных сообществ в местную проблематику, так или иначе, способствуют формированию ценностей доверия, коллективизма и ответственности. Однако большая часть населения в лучшем случае с благосклонностью отмечает такого рода проявления, считая для себя возможным включаться в соответствующую деятельность в случае нарушения их личных прав.

Второй механизм солидаризации во многом исходит из противодействия автономному и неконтролируемому властью гражданского участия. Усилиями государства осуществляются попытки солидаризации российского социума путем формирования и упрочения национально-гражданской идентичности с опорой на социальные институты и ценности, обладающие достаточной легитимностью – президентская власть, религия, армия, российская цивилизация, патриотизм и др. И здесь гражданское участие легитимируется лишь государственными интересами, трактовка которых зависит от особенности политической (и геополитической) ситуации.

В каждом из этих механизмов развития и интеграции общества, так или иначе, задевающих гражданское участие, присутствует комплекс рисков. В первом случае эти риски обусловлены неконтролируемым характером гражданского участия; во втором – наличием гиперконтроля над ним со стороны государства и аффилированных с ним структур.

При всей кажущейся для современного российского общества гипотетичности резкого увеличения по количественным и качественным параметрам объема гражданского участия такой вариант не выглядит полностью утопичным. Относительно недавно – в годы поздней перестройки советское общество пережило этап массовой мобилизации (причем, мобилизации автономной и ценностно-рациональной – в терминологии М. Вебера, хотя нельзя отрицать и явно аффективный ее компонент). Однако, по выражению В.В. Петухова, «после беспрецедентного всплеска активности масс конца 80-х -начала 90-х гг. общество перешло в «глухую самооборону»... Выросло целое поколение людей, которое уже ничего не ждет от власти, от общественных институтов и действует, что называется, в «автономном режиме» [3, 49].

В отдельных сегментах российского общества и сейчас существует достаточно серьезный потенциал самоорганизации, сопоставимый по ресурсной базе с государственными структурами. Это, прежде всего, криминальные или полукриминальные (как националисты) группы, а также различные сообщества субкультурного типа, имеющие иерархическую структуру и ориентированные на постоянное рекрутирование участников и наращивание ресурсной базы – как, например, футбольные фанаты или байкерские объединения. Безусловно, деятельность организованных преступных групп сложно связать с гражданским участием. Тем не менее, нельзя исключить интерес криминала в создании и продвижении тех или иных общественных (или квазиобщественных) инициатив. Совпадение интересов организованной преступности и других социальных групп не является редкостью,

поэтому переплетение в рамках одного и того же социального движения общественных активистов и бандитов вполне возможно. Хрестоматийный пример – это различные революции, которые инициируются политическими партиями и осуществляются боевиками. События в Украине 2013-2014 гг. были свидетельством очень высокого накала гражданского протеста, на острие которого выступали ударные отряды националистических организаций, многие из которых в то же время представляли организованные преступные группы, «крышующие» потоки контрабанды или другие столь же прибыльные занятия.

В России в последние годы было зафиксировано несколько массовых выступлений, в которых переплетались криминальные и идеологические (националистические или лево-националистические) мотивы. Наиболее масштабное датируется 2010 годом и запомнилось, как «события на Манежной» – многотысячная акция протеста против бездействия властей после убийства выходцем с Северного Кавказа болельщика «Спартак» Егора Свиридова. А. Дугин так прокомментировал это выражение гражданского участия: «Либералы, как во власти, так и вне её, увидели реальное гражданское общество в действии. И ужаснулись. Они представляли его совсем не таким. Но какое общество, таковы и граждане» [4]. Естественно, срезом российского гражданского общества участвовавших в событиях на Манежной площади в Москве и в других городах России вряд ли можно назвать. Однако то, что именно по подобному сценарию и с таким составом участников проходили бы протестные выступления в случае масштабной делегитимации власти, было очевидно, в том числе и власти.

По этой причине власть выработала своего рода комплексный подход по профилактике националистических выступлений. Наиболее агрессивные группы националистов стали более тщательно выявляться и подвергаться уголовному преследованию. Умеренные же стали искать точки соприкосновения с государством, которое стало предлагать им различные варианты самовыражения в рамках консервативного проекта (в том числе, имеющего православный характер).

Характерна реакция власти на аналогичные «манежным» события в Западном Бирюлёве в Москве. Задержание предполагаемого убийцы (с которого также начались волнения) было осуществлено демонстративно быстро и асимметрично характеру преступления (перевоз на вертолете в Москву из Коломны и допрос его лично министром внутренних дел В. Колокольцевым). После этого лишлись постов несколько должностных лиц, в том числе – правоохранительных органов, а на овощебазу в Западном Бирюлёве, на которой работал задержанный за совершение убийства гражданин Азербайджана, сразу же обрушились проверки, в том числе и со стороны Роспотребнадзора.

Можно предположить, что в дискурсе российской власти присутствует два гражданских общества и, соответственно, две модели гражданского участия. Одно – вполне адекватное российской действительности, стихийное и оттого потенциально опасное по своим последствиям, но в силу этого же поддающееся воздействию политических технологий. Второе – внедренное с Запада и управляемое оттуда же. Опасность его состоит в том, что им сложно манипулировать, но очень просто ограничить административными методами (присвоив статус «иностранных агентов» и пр.). Но самая главная опасность состоит в том, чтобы два этих гражданских общества и способа реализации гражданского участия не пересеклись, как это во многом произошло в Украине. Эта картина мира, безусловно, является достаточно упрощенной именно в силу своей инструментальности. Все остальные проявления гражданского участия рассматриваются государством с точки зрения соответствия этим двум полюсам, и если они не несут в себе потенциальной опасности для существующего социального порядка, просто не принимаются в расчет при принятии решений.

И в этом кроется еще один риск, связанный с гражданским участием. Реализуясь совершенно автономно от институтов публичного управления, оно закладывает социокультурные и социально-психологические основы автономии индивида и группы от государства вплоть до осознания его ненужности или враждебности.

Риски, вытекающие из низкого уровня развития гражданского участия, более очевидны. Во-первых, замыкание человека в кругу привычных частных практик существенно ограничивает его социальный кругозор и не позволяет увеличивать объем социального капитала за пределами традиционных кругов коммуникации. Таким образом, состояние «атомизации» социума консервируется и получается замкнутый круг – без наличия ресурсной и коммуникативной базы нельзя выйти за предел своего круга и увеличить объем социального капитала, но и увеличить собственные ресурсы невозможно без расширения социальных связей. Как отмечает О.Н. Яницкий, «социального капитала «вообще» не существует. Он может существовать только как актуальный капитал, то есть произведенный в (со)обществе или движении определенного типа и доступный его членам в зависимости от типа этого (со)общества» [5]. Безусловно, можно обладать большим объемом социального капитала вне гражданского участия – только за счет реципрокного обмена с участниками социальной сети, сформированной на основе «близких» связей. Однако здесь есть существенный риск – объем социального капитала прямо пропорционален объему личных ресурсов. При их девальвации социальные связи начнут разрушаться.

Во-вторых, низкий уровень гражданского участия лишает управляющую подсистему потенциальной ресурсной базы, связанной с аккумуляцией индивидуальных и групповых ресурсов – материальных, трудовых, интеллектуальных, информационных и т.п. Безусловно, актуализация данного потенциала может быть значима лишь в условиях относительно высокого качества человеческого капитала. При отсутствии такого условия мобилизация гражданского участия может привести лишь к эксцессам, описанным выше, а само участие быстро становится неконтролируемым. Для России стратегическая задача сохранения и, по возможности, развития человеческого потенциала своих граждан стоит достаточно остро. Проблема в том, что для этого необходимы структурные изменения в системе политического управления и еще более сложная трансформация массового сознания, связанная с индивидуальным принятием нелегкого груза ответственности и выработкой модели социальной справедливости, приемлемой как для массовых, так и для элитарных групп.

В-третьих, сниженное гражданское участие пролонгирует ситуацию «передоверения» (Б. Дубин) инициативы в условиях пассивной адаптации и гиперконтроля [6], характерных для социокультурной матрицы российского общества. Доминирование в течение длительного исторического времени государственных (в противовес общественным) институтов в российском (советском) обществе вполне закономерно привели к нейтрализации автономной гражданской активности. Ее восстановление в постсоветский период протекало, с одной стороны, в условиях самоустранения государства из ряда сфер социальной регуляции, с другой – при довлеющем значении советского опыта во взаимодействии государства и общественных организаций. В результате к 2000-м гг. российское гражданское общество приобрело «гибридный» характер, для которого стало характерно сочетание установки некоторых общественных институтов на абсолютную свободу от вмешательства государства и полностью зависимый и провластный порядок деятельности других [7, 277]. С точки зрения кратковременных эффектов ситуация «передоверения» может оказаться выигрышной и уберечь общество от революционных потрясений в тех случаях, когда власть имеет адекватное представление о стратегии развития общества. В тех же случаях, когда политические элиты руководствуются исключительно мотивом самосохранения и не строят долговременных стратегий или же попросту некомпетентны низкий уровень гражданского участия приводит лишь к деградации социума. Это происходит в результате бесконтрольности элит, вольных совершать какие угодно ошибки или преступления вне всякой ответственности за их результаты.

Роль гражданских инициатив во многом и заключается в том, чтобы служить медиатором между сферой государственной политики и частными интересами граждан, транслировать успешный опыт коллективных действий, направленных на достижение общего блага. Естественно, для реализации столь ответственной функции сами гражданские инициативы должны обладать достаточной легитимностью и конвенциональностью, чтобы

транслируемые практики были восприняты значительной частью общества, а не только маргинальными группами и не разрушили сформировавшиеся институты, не создав на их месте других. Но и роль государства должна заключаться в контроле и селекции форм и практик гражданского участия. При этом в формировании механизмов общественно-государственного партнерства нужно уходить от традиционных для отечественной практики попыток максимальной иерархизации, формализации и регламентации управленческих процессов. В противном случае потенциальные эффекты гражданского участия, самоорганизации и краудсорсинга будут нивелированы сервильной лояльностью и социальным инфантилизмом.

Литература

1. Реутов, Е.В. Потенциал общественного участия в контексте социальной солидарности / Е.В. Реутов, М.Н. Реутова, И.В. Шавырина // Власть. – 2015. – №5. – С. 131-135.
2. Яницкий, О.Н. Общественный активизм в России: вчера и сегодня / О.Н. Яницкий // Власть. – 2015. – №2. – С. 53-60.
3. Петухов, В.В. Гражданское участие в контексте политической модернизации России / В.В. Петухов // Социологические исследования. – 2012. – №1. – С. 48-60.
4. Чему быть? Того не миновать // Литературная газета. – 2010. – №52.
5. Яницкий, О.Н. Элементы теории социальных движений [Электронный ресурс] / О.Н. Яницкий. URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Yanitsky_Soc_dvizheniya.pdf (дата обращения: 28.09.2015).
6. Борис Дубин: Характер массовой поддержки нынешнего режима: Доклад на конференции Левада-Центра «События и тенденции 2009 года в общественном мнении» [Электронный ресурс]. URL : <http://www.levada.ru/press/2010022406.html> (дата обращения: 01.09.2015).
7. Реутов, Е.В. Социокультурный фон гражданского активизма в российском обществе / Е.В. Реутов // Трансформация идеи гражданского общества в контексте социальных изменений: сборник статей по материалам первой Международной научной конференции. НИУ «БелГУ», 30 октября 2014 г. / отв. ред. Ю.А. Зубок. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. – С. 277-282.